

Дэвид Бакстон
Абиссинцы. Потомки царя Соломона

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153354
Абиссинцы. Потомки царя Соломона: Центрполиграф; М.; 2002
ISBN 5-227-01842-1

Аннотация

Увлекательный экскурс в богатейшую историю народов Эфиопии (современное название Абиссинии), проживающих на самом большом плато Африки – Африканском Роге.

В книге охвачены все аспекты истории развития этого уголка земли со времен каменного века до Средневековья. Яркое и образное повествование передает атмосферу вечного очарования Эфиопии.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	5
Крыша Африки	5
Климат, времена года и растительность	7
Переселение народов Африканского Рога	9
Семитское наследие	14
Глава 2	16
Ранняя цивилизация	16
Аксумское царство и заря христианства	19
Правление Агау и выдолбленные в скалах церкви	23
Восстановленная династия Соломона в противостоянии с набирающим силу исламом	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дэвид Бакстон

Абиссинцы. Потомки царя Соломона

Предисловие

Следуя примеру некоторых авторов, я применил термин «абиссинцы» специально для семитоговорящих народов, до сих пор преобладающих на эфиопском пространстве, и «Абиссиния» к их гористому историческому отечеству, которое, естественно, является лишь частью современной Эфиопии. Для незнакомых с английским языком читателей я специально поясню, что данные слова не несут в себе абсолютно ничего оскорбительного для них (и даже, наоборот, имеют романтические ассоциации), и я верю, что ни эфиопы, ни другие народы не будут возражать против их применения.

Несмотря на то что, таким образом, предмет моего исследования ограничен абиссинцами, я нашел для себя трудным освятить его полностью, как бы не схематично, в рамках данного издания. Я, конечно, осознаю, что в труде недостаточно или же не имеется вовсе упоминаний о землевладении и налоговой системе или о теологической доктрине Эфиопской церкви. Каждый претендующий на всеобъемлющее исследование предмета вскоре обнаруживает границы своей компетентности и попадает волей-неволей под влияние собственного вкуса и интересов. Таким образом, оригинальность этой книги заключается в главах, посвященных искусствам, архитектуре, которая стала моим любимым предметом во время пребывания в Эфиопии с 1942-го и по 1949 год.

Несколько слов необходимо сказать о произношении эфиопских слов и географических названий. Я думаю, что в подобного рода книге ничего не будет достигнуто соблюдением какой-либо жесткой системы транслитерации. Мы не имеем достаточно гласных, соответствующих местным языкам, большая проблема возникает при произношении нейтральных гласных первой формы, а также очень коротких гласных (если такие имеются в наличии) шестой формы (см. приложение 1). Ярые сторонники последовательности должны либо использовать специальные фонетические символы и диалектические маркеры – все незнакомые и смущающие читателя-неспециалиста, либо же примириться с какой-либо простой системой, которая может привести к неправильному произношению.

Одно географическое название – в сущности, экстремальный случай – должно проиллюстрировать трудности транслитерации. Название одной важной деревни в Тыграй производилось по-разному: Агру, Короу, Оукро, Укро, Оуакеро, Оукеро, Оуогро, Зуогоро, Вогхуро, Вогро, Вакро и Викро. Некоторые из этих форм, учитывающие влияние французских и итальянских правил произношения, давали довольно точное приближение к названию объекта, но последние два, несмотря на абсолютно правильную транслитерацию, заключали в себе неправильные первые глаголы. Я, таким образом, предпочитаю Вукро.

Эта книга не является работой эксперта. Но некоторые области Эфиопии исследовались совсем недавно неспециалистами. К счастью, старомодный исследователь-путешественник может до сих пор найти что-нибудь захватывающее и неизвестное в своих скитаниях и доставить ценную информацию, относящуюся к исследованию страны. В этом, пожалуй, заключается вечное очарование Эфиопии.

Глава 1

ЭФИОПИЯ: СТРАНА И НАРОДЫ

Крыша Африки

Огромное плато Африканского Рога – несомненно, наиболее протяженный горный регион на всем континенте – ныне полностью вписывается в границы Эфиопской империи. Это нагорье дало Эфиопии ее особенный характер и предопределило естественное географическое единство. Границы страны совпадают, как правило, с подножиями холмов нагорья. Правда, что касается востока, это обобщение не столь точно. Здесь иссушенные равнины бассейна Данакиль, лежащие посреди нагорья и Красного моря, также образуют гармонично вписывающуюся часть территории Эфиопии, несмотря на их географическую контрастность. Только на юго-востоке, где завоевания Менелика проникли глубоко в низины, граница не может считаться соответствующей географическим (или этническим) линиям разграничения.

В основном Эфиопская империя представляет собой компактное пространство нагорья, явно контрастирующее с низинами Судана на западе, Кении – на юге и Сомали – на востоке. Простираясь с 3-го по 18° с. ш., Эфиопия пропускает экватор, но попадает полностью в пределы тропиков (несмотря на это, климат в высокогорье умеренный). Наибольшая протяженность страны с севера на юг – более чем 1500 км (около 1000 миль). И с запада на восток протяженность приблизительно та же самая. Площадь государства – приблизительно 1220 тыс. кв. км (470 тыс. кв. миль). Таким образом, она существенно превышает общую площадь Франции, Швейцарии, Испании и Португалии либо же общую площадь Норвегии, Дании, Швеции и Финляндии. Общее население, по большей степени преуменьшенное в прошлом, почти наверняка превышает 22 млн, из чего следует средняя плотность населения, сравнимая с тем, что имеется в Кении, и значительно большая по сравнению с Суданом или Сомали.

Прилагающаяся карта (рис. 1) дает упрощенную картину топографии эфиопского государства внутри его современных границ. Самые высоко расположенные части страны, лежащие на высоте, превышающей 2000 м (6600 футов), на карте затемнены, они занимают большую площадь, разделенную, однако, на две самостоятельные системы долиной Рифт с цепочкой озер. Северное и Западное нагорья образуют основную часть десяти эфиопских провинций, начиная от Эритреи, занимающей самое северное положение, до Гаму-Гофа на юге. Наивысшая точка, расположенная в Семиенских горах, к северо-востоку от озера Тана, поднимается на высоту более 4600 м, здесь иногда случаются сильные снегопады; в этом районе также находится много других горных вершин, превышающих отметку 4000 м (13 000 футов). Почти вся территория этого высокогорья, немного наклоненная к западу, несет свои воды в Нил, в основном в верхний Голубой Нил, вытекающий из озера Тана и текущий далее, образуя большую петлю вокруг старой амхарской провинции Годжам. Только менее значительные реки пробиваются через крутой западный склон, чтобы влиться в Аваш, которая в конце концов сама теряется в Данакильской пустыне на границе с Французским Сомали. Самая южная точка западного высокогорья тоже относится к бассейну долины Рифт. Многие ручьи несут свои воды в семь озер, расположенных в эфиопской части долины, тогда как всего одна большая река – Омо – течет на юг к озеру Рудольф, которое полностью, за исключением самого северного края, находится на территории Кении.

Юг равнины Данакиль и восточная часть нагорья Рифт, уступающих по площади только северной и западной областям, включают в себя большие горные массивы, также иногда достигающие высоты более 4000 м. В эту группу входит северо-западная цепочка холмов, приводящая, подобно каменной дороге, в район Харар. Почти все это высокогорье представляет собой бассейн рек, впадающих в Индийский океан, хотя одна из самых крупных рек – Уаби-Шэбэлле – с некоторых пор не достигает океана, так как ее воды используются на ирригационные нужды.

Самые поразительные географические черты Эфиопии обязаны своим существованием грандиозным сдвигам пластов земной коры, ассоциированных с вулканической активностью, происходившим в третичный период, когда складывались и многие другие основные горные системы мира. Очевидно, что Эфиопский регион постепенно поднимался и приобрел в результате форму купола, центр которого приблизительно совпал с центральной провинцией Шоа. В то же самое время обширно выбрасывалась очень текучая лава (преимущественно базальта), и эти потоки, чья общая толщина достигала местами тысяч метров, и являлись тем материалом, из которых в итоге и сложился типичный ландшафт нагорья. Отдельные потоки лавы также могли значительно изменить местность: один такой поток, например, образовал запруды, что, в свою очередь, привело к появлению озера Тана, другой же отрезал часть океана и создал, таким образом, ныне высохшие соленые озера Северного Данакиля.

В то время как большая часть региона поднималась, другой процесс долговременного давления земной коры сформировал неправильной формы впадину, известную под названием долина Рифт. Она прямо рассекает Эфиопское нагорье и расширяется к северу, включая в себя Данакильскую долину и Красное море. Эфиопский Рифт вблизи Аддис-Абебы проявляет себя не столь явно, и он не столь обрывист – факт, которым не преминули воспользоваться средневековые завоеватели, так же как и те, кто позже построил железную дорогу, идущую к берегу. К югу от столицы Рифт становится хорошо заметной географической структурой около 80 км в ширину и вместе с ее привлекательными озерами в значительной степени определяет разнообразие ландшафта.

Центральные и северные нагорья Эфиопии, родины настоящих абиссинцев, предлагают путешественнику последовательность захватывающих ландшафтов, не имеющих себе равных во всей Африке. Плато, обычно холодное и открытое ветрам, изначально, вне всякого сомнения, было монотонной равниной, постепенно спускающейся к западу и северо-западу. Но процесс эрозии, происходивший на протяжении миллионов лет, минувших со времени третичного периода, вырезал красочные, уходящие сотнями метров в глубину ущелья, неожиданно открывающиеся в волнообразной поверхности высокогорного плато. Его стены могут быть резко обрывистыми или могут спускаться ступенчато, так своеобразные природные «отлоги» чередуются с базальтовыми скалами, и глубокое ущелье, таким образом, представляет целую серию разнообразных климатических зон. Подобным образом и само плато резко спускается по направлению к востоку – к горячим равнинам Данакиля, снижаясь на 2000 м. (Этот гигантский обрыв формирует часть системы долины Рифт таким образом, что благодаря эрозии действительные разломы по большей части проявляются неотчетливо.) В некоторых районах денудация прогрессировала далее так, что там могли существовать лишь очень маленькие деревни исключительно на изолированных недоступных вершинах холмов – классический тип *амба*, который в роли крепости или тюрьмы сыграл заметную роль в эфиопской истории. Среди подножий холмов симиенских гор имеется большое множество колонн и верхушек скал необычных форм, некоторые из них до сих пор сохраняют плоские вершины, являющиеся остатком изначального плато.

Климат, времена года и растительность

Хотя Эфиопия и лежит в тропиках, только ее окраинные территории имеют действительно тропический климат. Климат же нагорий, столь характерных для этой страны, варьируется в соответствии с высотой от субтропического до умеренного. Тем не менее времена года, типичные для высоких широт, основывающиеся на значительных вариациях температуры на протяжении года, здесь не наблюдаются. Температуры хотя и разнятся чрезвычайно от места к месту в зависимости от высоты над уровнем моря, изменяются незначительно в течение года. Фактором, действительно влияющим и таким образом устанавливающим сезоны в Эфиопии, являются дожди.

Абиссинцы имеют свои собственные названия для трех основных климатических зон, которые могут быть приблизительно определены так:

ЗОНА	ВЫСОТА	КЛИМАТ	СРЕДНЯЯ ТЕМПЕРАТУРА
<i>Дега</i>	Выше 2400 м (8000 футов)	Умеренный	16 °С (61 °F)
<i>Война дега</i>	1800—2400 м (6000—8000 футов)	Субтропический	22 °С (72 °F)
<i>Квола</i>	Ниже 1800 м (6000 футов)	Тропический	26 °С (80 °F) и выше

Топография Эфиопского нагорья столь обрывиста и запутанна, что каждый может спуститься к *война дега* (нагорье с климатом достаточно теплым для виноделия) и подняться снова к *дега*, просто пересекая долину; таким образом, на местных рынках можно встретить продукты двух или даже всех трех климатических зон. Сезонное распределение дождей в центральных и северных нагорьях напоминает муссонный режим Индийского субконтинента с дождливыми месяцами, соответствующими северному лету – с позднего июня до раннего сентября, – так как наполненные влагой ветра эфиопского муссона дуют с юго-запада; на юго-восточные нагорья, где эти ветра впервые касаются холмов, обрушиваются сильные дожди, и поэтому самый продолжительный здесь сезон – сезон дождей. И наоборот, по достижении дальнего севера эти ветра уже растрачивают большую часть влаги, и на высокие гористые части страны, такие, как, например, Эритрея, выливается слишком мало дождей, и поэтому здесь более короткий влажный сезон, чем на юге страны. В среднем дожди прекращают идти приблизительно ко времени эфиопского Нового года, приходящегося на ранний сентябрь, и затем следует длинный сухой период, продолжающийся до февраля. Небольшие дожди могут случаться в марте, апреле или мае, но они сильно варьируются от места к месту и от сезона к сезону. Уровень осадков за год в центральных нагорьях приблизительно равняется 1000 мм (37,4 дюйма).

Равнины Данакиля, лежащие на подветренной стороне или «в тени дождя» нагорий, практически не получают влаги во время влажного сезона в нагорьях, хотя потоки Аваша формируют обширные сезонные зеленые луга. Тем не менее небольшой дождь может выпасть в январе или феврале, когда нагорья сухие, в это время года ветра дуют внутрь страны с Красного моря, и облачные массы могут иногда быть видны скопившимися у восточного обрыва.

Эфиопия, с ее большим разбросом высот и вытекающим отсюда разнообразием климата, обладает богатым множеством типов растительности: от немногочисленных пустынных кустарников до самых пышных лесов. В районах на юге и юго-западе обильный ливень (до 2000 мм) и продолжительный сезон дождей вместе с субтропической температурой благоприятствуют росту настоящих влажных джунглей, вмещающих в себя огромное разнообразие деревьев, лиан и эпифитов. Лес – естественное хранилище дикого каучука, а также исконных кустов кофе – продукта столь ценного для эфиопской экспортной торговли.

В центральных и западных нагорьях, где влажный сезон слишком короток для джунглей да и низкая температура также чаще всего является ограничивающим фактором, произрастают более сухие «умеренные» леса. Например, ногоплодник (*Podocarpus*) растет ниже отметки 2200 м (7000 футов), а можжевельник (*Juniperus*, «карандашный кедр») соответственно выше этого уровня, хотя области распространения этих двух доминирующих видов могут пересекаться. Оба, как это ни печально, были поставлены под угрозу человеком. Тотальная вырубка можжевельника (местное название – тид) возле Аддис-Абебы чуть не привела к запустению этого города к 1890 году – ситуацию спас только быстрорастущий эвкалипт, привезенный из Австралии. Это дерево изобилует в каждом населенном месте, оно стало важным элементом ландшафта нагорья.

Настоящие абиссинцы чувствуют себя как дома на самых возвышенных и не защищенных от ветра плато – *дега*, – некоторые из них достигают 3000 м (10 000 футов) и более. Плато сейчас по большей части лишены леса, о чьем былом буйстве можно судить только по прекрасным рощам, окружающим церкви, где вырубать деревья запрещено. Но все же отдельные случайные можжевельники *тид*, как и случайные *косо* (*Hagenia Abyssinica*) были пощажены. Эти деревья служат не только украшением ландшафта, но и источником глистогонного средства, необходимого для людей, хронически страдающих от ленточных червей. Низкая трава – преобладающая здесь черта ландшафта – прекрасное покрытие для ходьбы и место для пастбища. Представляя некоторое укрытие, эти земли также подходят для устойчивых к прохладной температуре сельскохозяйственных культур, как бобы и ячмень. На еще больших высотах, вплоть до 4000 м, появляется замечательная «афро-альпийская» смесь, состоящая из гигантского вереска, гигантской лобелии и бессмертника и соответствующая причудливой растительности высоких восточноафриканских гор, хотя крестовника (*Senecio*) там до сих пор не обнаружили.

Переселение народов Африканского Рога

Во многих местах Эфиопии имеются следы обитателей каменного века времен позднего палеолита и ранее, а важная раннепалеолитическая площадка (которую можно отнести к «галечной культуре») исследуется ныне в Малка-Контуре, Шоа. Существующее знание об этих культурах фрагментарно и базируется в основном на спорадических находках каменных инструментов. Эти данные в последние годы пополнились открытием доисторических наскальных росписей и гравюр, в основном сосредоточенных, на сегодняшний день, в двух далеко отстоящих друг от друга регионах – Эритрее и Тыграй на севере и в районе Харара на востоке. Их описал П. Грациози, который обнаружил стилистические параллели этим росписям в неолитическом наскальном искусстве Иберийского полуострова, а также Южной Африки. Обсуждая ранние эритрейские находки, он пришел к выводу, что они – дело рук пастушеского населения, жившего в данном месте еще до прихода горбатого скота и до первого появления семитоговорящих иммигрантов из Южной Аравии – оба эти события были датированы первым тысячелетием до н. э.

До сих пор представлялось невозможным проследить связь между этими доисторическими культурами и народами, пришедшими и оккупировавшими Африканский Рог позднее. Для нашего исследования существенно, что всю данную часть Африки на заре исторического времени заселил народ хамитской языковой семьи. Каким бы ни было их исконное происхождение, хамиты стали безраздельными владельцами большей части севера и востока Африки еще до появления негритянских племен, с которыми они впоследствии и смешались.

Подавляющее большинство населения Эфиопии до сих пор необходимо считать хамитским, и много регионов до сих пор говорят на кушитских языках, как и полагается этой семье народов. Единственная значительная этническая и культурная примесь, о которой необходимо упомянуть, – это иммигранты-семиты из Южной Аравии, либо мирными, либо военными средствами навязавшие свой язык и культурные институты хамитам северных нагорий. Традиции, установленные ими, культура, которую они с собой принесли, и то, как она развивалась и проникала в глубь Эфиопии, – все это и составляет основной предмет данной книги.

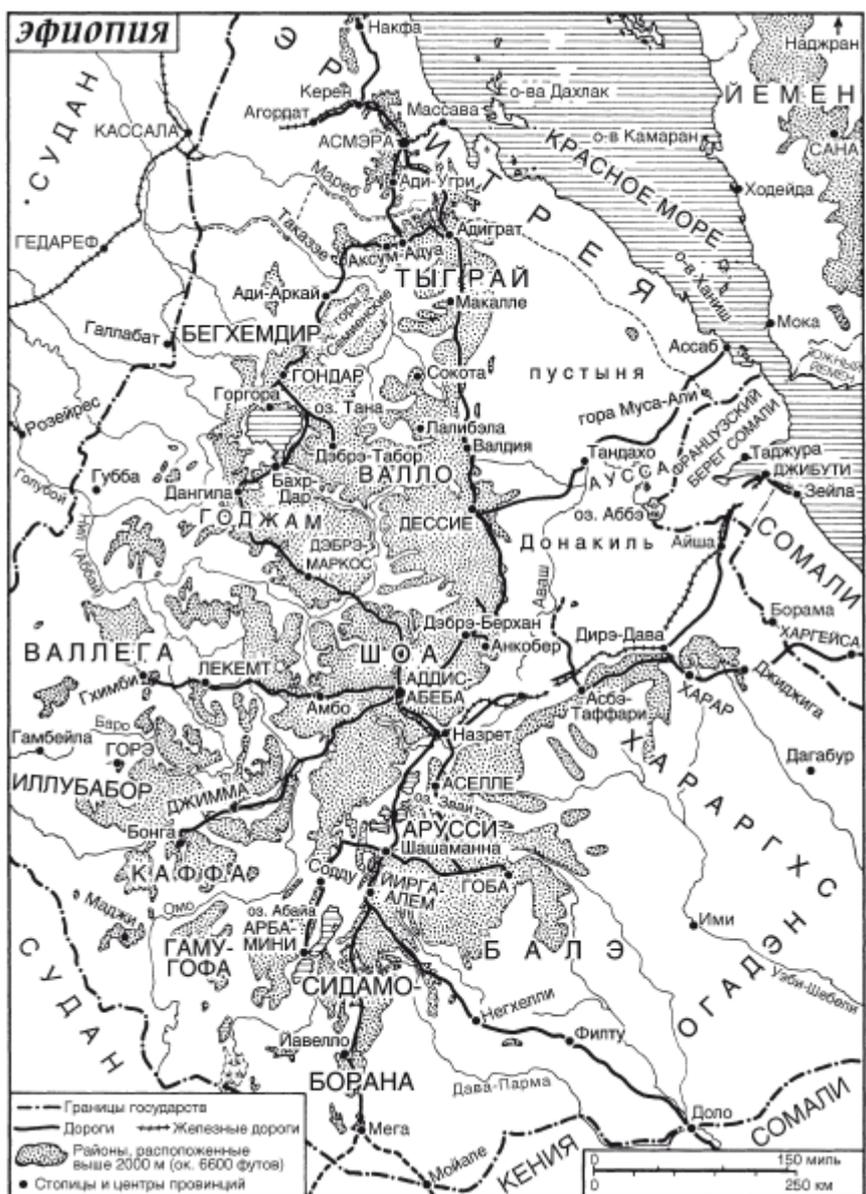

Рис. 1. Топографическая карта

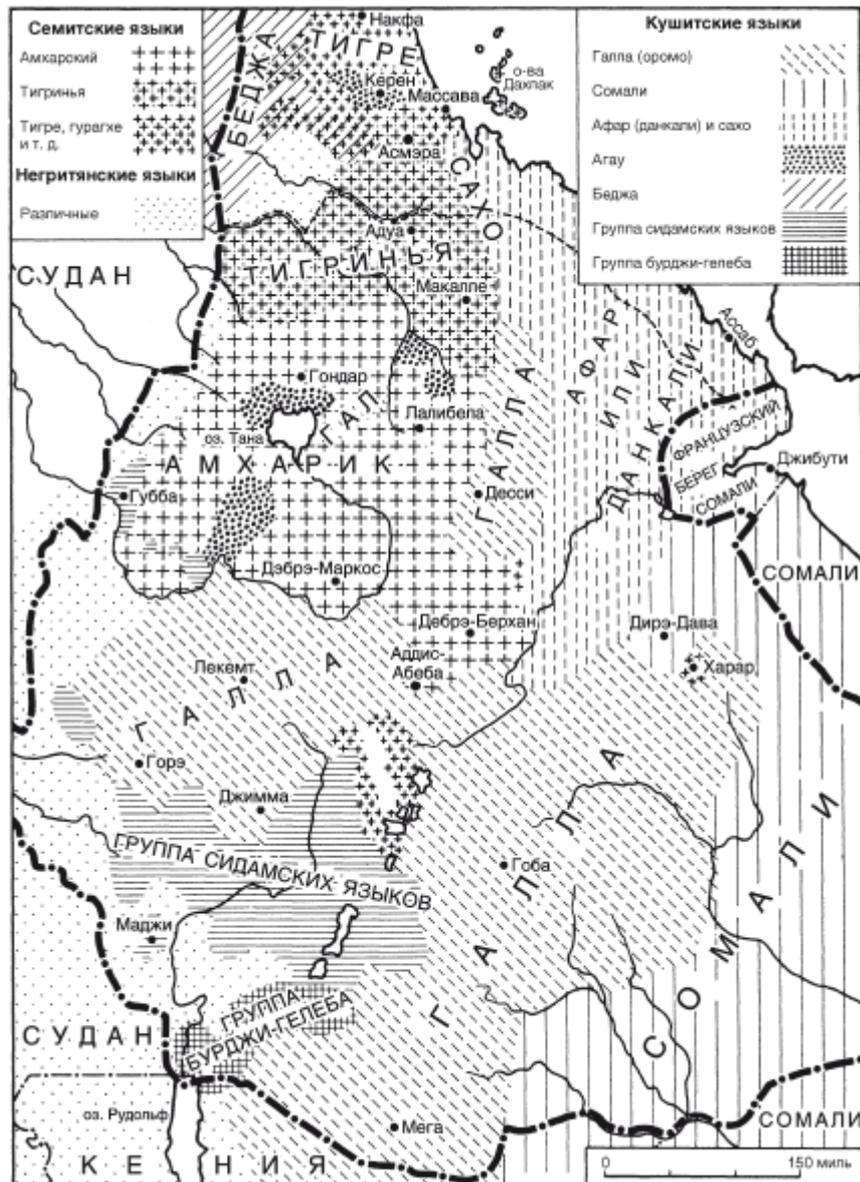

Рис. 2. Языковая карта

Карта (см. рис. 1 и рис. 2), показывающая языки и народы Эфиопии, должна быть рассмотрена вместе с картой физического и территориального деления страны на следующей странице. Она представляет распределение основных народов Эфиопии к настоящему моменту, подобную карту было бы невозможно составить для любого другого более раннего периода истории Эфиопии. Необходимо помнить, однако, что распределение этих народов на протяжении многих столетий, описанных в данной книге, претерпевало постоянные изменения, и великая иммиграция Таллас, трансформировавшая всю этническую сцену этого региона, наблюдалась не позднее XV или XVI столетия н. э.

Если вы посмотрите сначала на верхние части обеих карт, то можете увидеть, что северные нагорья являются родиной тех самых хамитов, вобравших в себя семитскую культуру и до сих пор говорящих на семитских или «семитизированных» языках. Оригинальная эфиопская цивилизация появилась в этой местности еще задолго до начала христианской эры с ядром в царском и священном городе Аксум, позже ставшем священным местом эфиопского христианства.

Среди современных языков данной группы наиболее северный – тигре (название не следует путать с названием провинции Тигре, или Тыграй, расположенной гораздо южнее). Носители этого языка по большей части кочевнические племена, населяющие невысокие холмистые земли и настоящие низины Эритреи, а также некоторые прилегающие суданские территории и пустынные острова Дахлак. Большинство из них принадлежат к группе племен бени-амер – хамитов достаточно чистых кровей, считавшихся живыми копиями додинастических египтян (другие племена группы бени-амер говорят на кушитском языке беджа, хотя некоторые небольшие группы являются двуязычными). Почти все говорящие на тигре в настоящее время мусульмане, хотя некоторые проповедовали монофизитское христианство вплоть до XIX столетия. Интересно отметить, что этот особенный язык семитской семьи сейчас не должен быть ассоциирован ни с другими аспектами семитской культуры, ни с христианством.

Тигрейцы и амхарцы, носители двух главных семитских языков Эфиопии, – оседлые земледельцы плато, живущие в регионах нагорий Эритреи, Тыграй, Бегхемдира, Валло, Годжама и Шоа. Именно они разделяют традиции Аксумского царства, и мы еще вернемся к ним в этой и последующих главах. Сейчас же необходимо заметить, что, однако, небольшое число несимитизированных хамитов, остатков основного населения до семитского вторжения, до сих пор живут на плато и до некоторой степени сохраняют свои языки. Это и группы агау, показанные на карте, и самые северные из них – богос или билен в Эритрее, дисперсно расселенные между тигринья и тигреговорящими народами. Далее на юге они попадают вокруг северного берега озера Тана и в районе Ласта, где династия Агау-Загве правила в XII и XIII столетиях. Другая крупная группа населяет часть амхарской цитадели, провинцию Годжам (отсюда название района – Агаумидир) и простирается на юг до Голубого Нила.

Одна из этих групп поселений заслуживает особого внимания за их чрезвычайно сильные древнееврейские и не относящиеся к христианству традиции. Речь идет о фалаша, живущих около озера Тана (где некоторые из них говорят на диалекте агау) и простирающихся далее на север до Семиенских гор. По мнению Уллендорффа, писавшего в *Эфиопиах*, фалаша являются потомками тех элементов в Аксумском царстве, которые сопротивлялись обращению в христианство. В данном контексте их так называемый иудаизм является лишь отображением тех древнееврейских и иудейских практик и верований, которые были внедрены на части территории Юго-Восточной Аравии в первые постхристианские столетия и впоследствии привнесены в Абиссинию. Они не знают иврита, и их молитвы и писания написаны на геэз. Тем не менее фалаша ранее признавались как евреи – «черные евреи» – из Абиссинии, а сами себя они называют *бета Израэль*, или «дом Израиля». Для эфиопских императоров, часто травивших их, они были как заноза в теле, так и не подчинившись им.

В *Эфиопии* и *Библии* тот же исследователь, опять выступая против тенденции преувеличивать иудейские черты у этого народа, подытоживает суть вопроса следующим образом: фалаша и эфиопы в целом являются наследниками цивилизации, где почитание и имитация Ветхого Завета занимали долгое время центральную позицию.

Хорошо укрепленная и практически непроходимая долина Аббаи, или Толубого Нила, где она пересекает южную границу Тоджама, – одна из точно определенных этнических границ в Эфиопии. Юг реки населяют в основном галла, за исключением запада, где негритянские племена продвинулись с Белого Нила и занимают большую территорию нижней части страны. Мы уже упоминали, что галла – другой хамитский народ – не проживали на эфиопской территории во времена Средневековья, хотя их предки, должно быть, находились на территории нынешнего Сомали, на юге Аденского залива. Этот интересный народ с его высокоразвитой племенной системой организации и характерными институтами пере-

рос свое жизненное пространство и начал мигрировать в юго-западном направлении ближе к концу XV века. В XVI веке, воспользовавшись ситуацией всеобщего хаоса, последовавшего за мусульманскими войнами, галла устремились за южные границы Эфиопии.

В результате этой тотальной миграции и несмотря на яростное сопротивление различных эфиопских монархов, галла оккупировали большую часть плато, достигнув на севере Валлега, Шоа и района Харара. Они также оккупировали (с меньшими сложностями) большие участки средних высот, например район обрыва Валло, где они формируют буферное поселение между амхарцами и данакиль, живущими в пустыне. Некоторые считают, что галла стали, судя по их численности, самым большим единым элементом населения Эфиопии. Как один из основных несимитизированных народов, они показывают наибольший потенциал для интеграции с амхарцами. Подавляющее большинство их отказалось от кочевнического образа жизни. Многие приняли христианство и со времен Менелика достигли высокого положения во всех жизненных сферах, часто являясь военными командирами.

Дальнейшее изучение карты языков покажет, что некоторые другие народы также разделяют северо-запад Эфиопии вместе с галла. Среди них, например, гураге, говорящие на языке родственном семитскому, чье происхождение – загадка. Остаток составляют несимитизированные хамиты, говорящие на языках кушитской семьи, но не столь близкие другим кушитским языкам: они представлены как группа сидама и группа бурджи-гелеба. Дисперсное распределение этих двух языковых групп предполагает, что племена, говорящие на них, рассеялись на куда как больших территориях перед вторжением галла, которые, как известно, вытеснили последних из этих обширных мест. И далее к юго-западным границам государство населено малоизвестными негритянскими племенами, территория которых простирается до Белого Нила и его притоков. Остается сказать несколько слов о кочевнических племенах восточных равнин народа Сомали, ныне протянувшихся на территории Африканского Рога. В данном случае они должны были прибыть на эти территории в сравнительно недавнее время: часть их страны галла заселили всего несколько сот лет назад. Территория Сомали включает не только большое новое государство Сомали, но и значительную часть северо-востока Кении и эфиопский Огаден, в то время как во Французском Сомали они встречают народы данакиль на самой северной окраине их поселения. Это огромное пространство достаточно сухих земель, мало населенное группами кочевников, чей жизненный уклад полностью зависит от верблюдов.

Далее на север данакиль (или афар) вместе с их родственниками сахо занимают большой треугольник пустыни, примыкающий к Красному морю и ограниченный с запада большой стеной обрыва, а с юга нагорьями, простирающимися к Харару. Климатические условия здесь, особенно в северной части Данакиля, хотя и смягчаемые сезонно водами

Аваша, наиболее жаркие и негостеприимные из всех, которые можно встретить в Эфиопии. Кочевники данакиль, известные своей яростью во время конных набегов, удивительны для людей, так как питаются мало чем, кроме молока, живут в маленьких, покрытых куполом шалашах, сделанных из соломы, легко укладываемых на спину верблюда, когда кочевники переезжают на новые пастбища.

Эти странствующие народы обладают стройным высокорослым телосложением кочевника, имеют мало общих черт с населением нагорий. И тем не менее было бы ошибкой считать, что они не играли никакой роли в эфиопской истории. Совсем наоборот, воинственные по природе и мусульмане по вероисповеданию, они именно те люди, которые под жестким командованием всегда стремились атаковать христиан на плато. Они делали это периодически на протяжении сотен лет до тех пор, пока царство на нагорье не было поставлено на грань вымирания в XVI столетии.

Семитское наследие

Южноарабские пришельцы, принесшие, как уже упоминалось, семитскую культуру в Африку, включают в себя по крайней мере хотя бы один южноарабский диалект. Тем не менее отделение этой новой семитской территории от ее арабских корней, а также значительное влияние местных кушитских наречий вскоре проявилось в эволюции нового местного языка. Он, официальный язык Аксумского царства, известен в данной местности как геэз (приложение 1), а на Западе как эфиопский. Несмотря на его короткую историю как разговорного языка, он был чрезвычайно важен для развития Абиссинской цивилизации, стал, подобно латыни на Западе, классическим языком литературы и церкви и продолжает с тех пор использоваться в этом качестве. Более того, геэз – родоначальник современных языков, происхождение которых описал Уллендорфф следующими словами: «Для того чтобы проследить идею взаимоотношений амхарского, тигриньи и тигре, а также по отношению к геэзу этих языков, мы можем использовать удобную параллель с романскими языками. Если геэз сравнивать с латынью, тигринья занимает место итальянского (потому что они наиболее похожи на родительский язык и на них говорят на его изначальной территории). Тигре в таком случае можно уподобить испанскому, а амхарский – французскому (также потому, что он подвергся наибольшему изменению)».

Основным фактором, повлиявшим на разделение этих языков, так же как и на разделение геэза, были исконные кушитские языки, особенно агава. На них говорила, без сомнения, значительная часть населения, хотя сейчас они сохранились только в небольших анклавах. Тиграи, так же как и их язык, ближайший к своему древнему предшественнику, должны считаться прямыми наследниками Аксумского царства на территориях, где они сейчас проживают. Амхарцы продвигают эти традиции далее на юго-запад и юг. Именно они стали доминирующей, а также и самой многочисленной группой среди этих двух родственных популяций, и их язык становится теперь *lingua franca* всей страны. Амхарцы и тиграи вместе – это настоящие абиссинцы. (Термин служит для того, чтобы отличать их от многих других народов, населяющих современную Эфиопию, все из которых, несмотря на их историю и традицию, – эфиопы. Данная книга посвящена именно этим, определенным так абиссинцам, и в особенности уникальной христианской культуре, которая развилась в их царстве начиная с IV столетия и далее.)

Те, кто изучал абиссинцев или жил среди них, знают, что их общество полностью отличается от старой языческой племенной Африки. Действительно, довольно справедливо замечено, что Абиссиния находится в Африке, но не является ее частью. Также можно сказать, что она существует в настоящем, но принадлежит скорее прошлому. С тех пор как европейцы начали путешествовать туда, они стали чувствовать себя перенесенными в своих поездках в другие времена и места – обычно в библейские земли во времена Ветхого Завета.

Подобное впечатление не полностью субъективное. Абиссинцы в действительности считают себя настоящими преемниками Израиля, верят в происхождение их царского дома от царя Соломона и используют *табот* в их христианском богослужении, который символизирует Ковчег завета. Они почитают Ветхий Завет так же сильно, как и Новый, и включили в свою социальную систему множество Моисеевых заповедей, взятых из Книги Левит и Второзакония. (Примерами могут служить диетические запреты, особенно на свинину; практика обряда обрезания на восьмой день от рождения; концепция ритуальной нечистоты, запрещающей появляться в церкви после сексуальных сношений, и т. д.; практика женитьбы на вдове брата; практика применения телесных наказаний.)

В церкви тоже проявляется еврейское влияние, особенно в соблюдении правила двойной субботы (субботы и воскресенья). Существует и церковный танец абиссинцев, исполняемый *дабтарами* перед *шаботом* (подобно тому как этот ритуал мог исполняться левитами перед Ковчегом завета) с барабанным боем *sistra* и молитвенными посохами. Эта сцена напоминает поколениям живущих о эпизоде из Второй книги Царств, когда Давид и дом Израиля играли перед Господом на всех известных инструментах, плясали пред Всевышним при полном самоотрешении и вносили с криками Ковчег Господень.

Таким образом, не существует никакого сомнения относительно глубокого влияния Ветхого Завета на различные аспекты жизни абиссинцев, здесь чувствуется библейская атмосфера. Несмотря на все это, сам я всегда больше ощущал средневековый характер деревенской жизни абиссинцев, так как старые провинции Эфиопии являлись вплоть до совсем недавнего времени подлинной феодальной страной, и квазифеодальная иерархия, как и иерархия церкви, до сих пор сохраняет свой старый престиж.

Путешествуя по Абиссинии в тесном общении с местными жителями, невольно представляешь себе картину ранней средневековой Европы. Каменные хижины северных провинций с высоко расположенными щелевидными окнами имеют открытые очаги, так что дым, поднимаясь, коптит древесину крыши и наконец вырывается на свободу, просачиваясь сквозь соломенный настил. В подворье с окружающей его высокой стеной и (иногда) даже со сторожевым домиком ночью содержится скот; место надежно защищено от нежелательного проникновения посторонних людей и животных. Торговля осуществляется в основном за счет мены на больших базарах, куда все товары доставляются вьючными животными. Местная аристократия передвигается, согласно обычаю, на мулах, окруженных пешими сопровождающими. На празднествах выступают бродячие менестрели.

Снова, как и в Средние века, мать-церковь проникает во все сферы жизни; священнослужители – незаменимые члены сообщества и пользуются огромным уважением. То же относится и к монахам, абиссинские монастыри всегда были ревностными хранителями не только христианской доктрины, но и местной литературы и искусства. Известные святые места, расположенные по всей стране, являются пристанищем для странников, стекающихся туда отовсюду, а священные манускрипты, подвешенные через плечо, до сих пор пишутся на пергаменте монастырскими писцами.

На что бы ни настраивался ум путешественника в этой древней стране, его ожидания ярких впечатлений будут вознаграждены. Не разочаруются и те, кто интересуется в основном современностью, поскольку этот необычный и симпатичный народ с богатой историей все еще на многое способен. Сейчас Эфиопия стала частью современного мира, призванной в будущем сыграть большую роль в жизни Африки и всего мира.

Глава 2 АБИССИНЦЫ: ИСТОРИЯ

Ранняя цивилизация

Третья книга Царств и книга Паралипоменон описывают историю царицы Савской, которая, обольстившись славой царя Соломона, отправилась в Иерусалим с огромной свитой и дорогими подарками и «поведала ему все, что было в ее сердце». Царь Соломон со своей стороны «дал царице Савской все, что она желала... И отправилась она обратно в землю свою, она и все слуги ее». И опять же в Евангелии от Матфея повторяется история о том, как Южная царица «пришла с края земли, чтобы послушать мудрость Соломона». Все эти события, вероятно, произошли около 970 года до н. э.

В самой Эфиопии она также известна как царица Савская или как Южная царица (в Новом Завете), но у нее есть местное имя – Македа. Абиссинская Кебра-Нагаст, или книга «Слава царей», в деталях повествует о том, как царицу соблазнил Соломон, от которого она, по возвращении домой, родила сына. И когда принц повзрослел, он сам отправился в Иерусалим и в конце концов вернулся обратно на свою родину, принеся с собой Ковчег завета, который он и его компаньоны украли из Храма. Звали его Менелик I – основатель абиссинского царского дома.

Эта легенда, вера в которую не подлежит никакому сомнению среди абиссинцев, и действительно может содержать некое зерно исторической правдоподобности. Та же самая легенда (с небольшими вариациями) известна среди народов Южной Аравии, привнесших существенный (семитский) элемент в абиссинское культурное наследие. В действительности Шеба, или Себа, – так называлось царство, располагавшееся на территории теперешнего Йемена, откуда позже и иммигрировали предки абиссинцев. Их царица, называемая арабами Билкис, вполне могла совершить путешествие в Иерусалим в ветхозаветные времена.

Абиссинская история в действительности начинается вместе с миграцией этих южно-арабских племен к западному берегу Красного моря в первом тысячелетии до н. э. Эти иммигранты не были кочевниками, а напротив, оседлыми земледельцами, ищущими просторы для расширения своего жизненного пространства. Они колонизировали место, которое мы теперь называем северной оконечностью Эфиопского плато. Одна значительная группа – геэз – осела на южных нагорьях Эритреи, наиболее доступных со стороны моря, и их диалект в конце концов приняло большинство местного населения. Другое племя, хабашат, поселилось еще дальше на юг, в Тыграй, и его имя (Абиссиния – его искаженное производное) стало в итоге названием всей страны и ее населения. Здесь они сформировали правящий класс, вместе с аборигенными хамитами, до сих пор представленными разнообразными группами агау.

Вопрос о том, можно ли рассматривать этих иммигрантов как основателей древнего Абиссинского царства, до сих пор является спорным. Их проникновение приняло форму скорее постепенного внедрения, чем вооруженного вторжения. Но, как бы то ни было, имеется предостаточно свидетельств об их политическом и культурном влиянии на территории их новой родины. Как отмечалось выше, их измененный южноарабский язык, сохранивший свое название – геэз, на протяжении всей истории использовался как язык литературы и богослужения, в то время как современные языки тоже произошли от него. Слоговая азбука, служившая его письменной основой (сабейская, или гимаритская, – приложение 1), хотя и забытая позже на ее родине, стала алфавитом, на котором основывается письменное и печат-

ное слово современных абиссинских языков. Еще большее влияние во времена раннего царства, до пришествия христианства, оказало почитание древних южноарабских богов.

Вне всякого сомнения, имеется масса других черт в абиссинском образе жизни – особенно в земледелии, основе их экономики, – происхождение которых может быть прослежено вплоть до тех самых арабских нагорий, откуда и пришли семитские переселенцы. Трудоемкое построение террасированных склонов Йеменских гор и оврагов, со сложной системой ирригации, весьма похоже на теснины и обрывы абиссинского плато. И мало кто может усомниться в том, что плуг – неизвестный в «черной» Африке – был еще одним бесценным даром Абиссинии со стороны этих древних переселенцев.

Симпатичная деревенька Йеха (бывшая Ава), лежащая на севере от дороги Адуа-Адиграт, скорее всего, была центром или, по крайней мере, важным городом преаксумского царства. Ее маленький акрополь увенчан современной, но с древним основанием церковью и еще более древними развалинами храма. Хотя и никакая другая архитектура того периода не может сравниться с этими впечатляющими руинами, недавние раскопки в Йехе и других преаксумских местах (фото 19–26) открыли взору исследователей замечательную скульптуру, великолепный трон и другие предметы церковного обихода. Это также и каменные плиты, алтари и кадила, несущие на себе надписи этого раннего периода (V или IV столетие до н. э.), начертанные «бустрофедоном» – способ письма, в котором строки идут последовательно справа налево и потом слева направо и написание букв (форма их несимметрична) тоже следует надлежащему направлению. В этих надписях практически всегда попадает имя лунного божества – Лмкх (южноарабское слоговое письмо не различает гласных, и, таким образом, имя может быть вокализировано как угодно, например Ал-маках или Илмукух и т. п.). Рядом полумесяц вместе с диском, символизирующие божество, а другие его атрибуты – бык и козел – повторяются в виде рельефов и статуэток.

Предметы повседневного пользования, извлеченные из раскопок в последние годы, могут рассказать многое об этой ранней абиссинской цивилизации, процветавшей до возвышения Аксума. Они включают в себя искусно сделанные разнообразной формы керамические изделия, несколько светильников и множество бронзовых орудий (копья, кинжалы, топоры, зубила и серпы). Среди них также есть любопытные «опознавательные знаки» (рис. 3), служившие, скорее всего, персональными печатями или монограммами: их отпечатки были найдены на керамике, и они могли использоваться как клейма для скота. Ни один из них не похож на другой, ажурные знаки состояли из геометрического или животного узора, часто вместе с несколькими буквами алфавита – вероятно, инициалами их владельца.

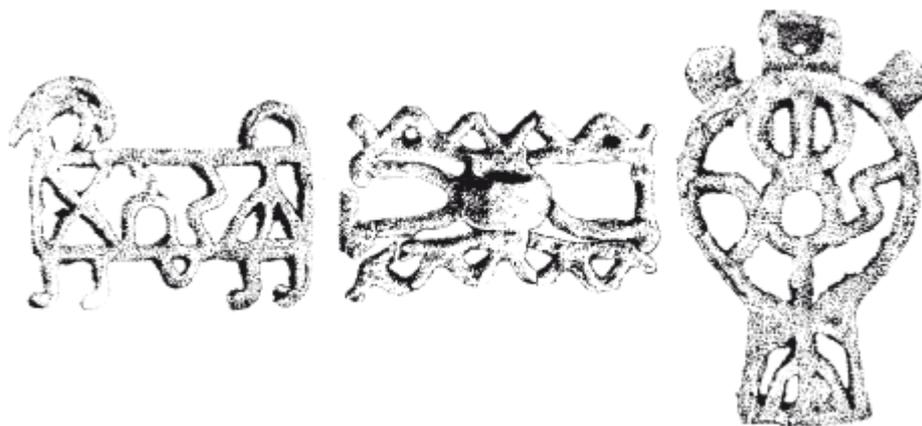

Рис. 3. «Опознавательные знаки» с преаксумских площадок. Эти необычно крупные экземпляры имеют размеры 8–11 см

Эти находки выявили наличие достаточно продвинутой культуры, которая, хотя и испытывала на себе сильное влияние Южной Аравии, все же была отличной от всех культур, существовавших там. Уже тогда абиссинцы показали свой особенный талант вбирать в себя, но в то же время и преобразовывать свежие идеи, позаимствованные извне.

Аксумское царство и заря христианства

Преаксумское государство вступило в эпоху упадка в III столетии до н. э., хотя о его обстоятельствах доподлинно ничего не известно. Приблизительно к началу христианской эры начала доминировать новая сила, базирующаяся в других городах и почти независимая от южноарабского влияния. Главным среди новых городов был Аксум, ставший резиденцией абиссинских царей и источником новой цивилизации. Современная Эфиопия – прямая наследница Аксумского царства. Даже когда 1000 лет назад правители переехали в другое место, Аксум, с его сильными христианскими традициями, остался на все времена святым для абиссинцев местом.

Это царство, обреченное в конце концов на крайнюю степень изоляции, было весьма известной силой классических времен. С остальным миром его связывал порт Адулис в заливе Зула – защищенная небольшая бухта Красного моря на юге Массавы. Путь от Аксума до порта занимал восемь дней: сначала надо было пройти через меньшие города высокого плато – Матару, Токонду или Кохайто, после чего следовал впечатляющий спуск на 2500 м (8000 футов) и так далее, до пересечения сухих равнин с самим Красным морем. Пробужденные Птолемеевой экспедицией, исследовавшей эти берега в поиске слонов, греческие мореплаватели открыли этот порт, который наверняка использовался до начала I столетия до н. э. Позднее (в I столетии н. э.) это место с его торговлей описывались в *Плавании по Эритрейскому морю* – книге, содержащей также первое известное литературное упоминание об Аксуме.

Несмотря на то что архитектура этого порта была чисто аксумской, дуновение греческой культуры достигло Аксума – известно несколько надписей на греческом языке. Множество ранних аксумских монет имели надписи, сделанные греческими буквами, да и сами монеты в целом походили по форме на обращавшиеся в греко-романском мире и явно испытывали влияние последних. В обмен на слоновую кость, экспортируемую из Адулиса, иностранные товары, включая средиземноморские амфоры и стеклянные сосуды, попадали в аксумские города. Через Адулис Аксум имел торговые связи, хотя бы и непостоянные, с другими отдаленными странами, в том числе с Персией и Индией.

Военные подвиги царей Аксума увековечены соответствующими надписями, в которых они предстают перед нами великими строителями империи. Так, прославленный монарх Афилас (рис. 4), правивший в III столетии н. э., не только расширил границы своего собственного царства, но еще и пересек Красное море и завоевал юго-западную часть Аравии – родину его семитских предков. Греческая надпись в Адулисе, повествующая об этих событиях, была переписана александрийским купцом Козьмой Индикопловом в его *Христианской космографии* (начало VI века н. э.) – работе, где приводится описание побережья и городов Красного моря и Индийского океана.

Великий царь IV столетия Эзана оставил после себя большое число письменных свидетельств, первое из которых было написано параллельно на трех языках: греческом, южноарабском и геэз. Но его более поздние надписи – уже исключительно на геэз. Это показывает, что престиж данного языка возрастал, делая использование иностранных языков излишним. Эзана провозглашал себя повелителем Юго-Западной Аравии, хотя его записанные военные походы направлялись против повстанцев в пределах либо же на границах его собственного царства. Последняя его надпись повествует о завоевании нубийского царства Мероэ на берегах верхнего Нила, чье могущество совпало с могуществом Аксума, хотя эти два царства имели между собой мало общего и их контакты были весьма ограничены.

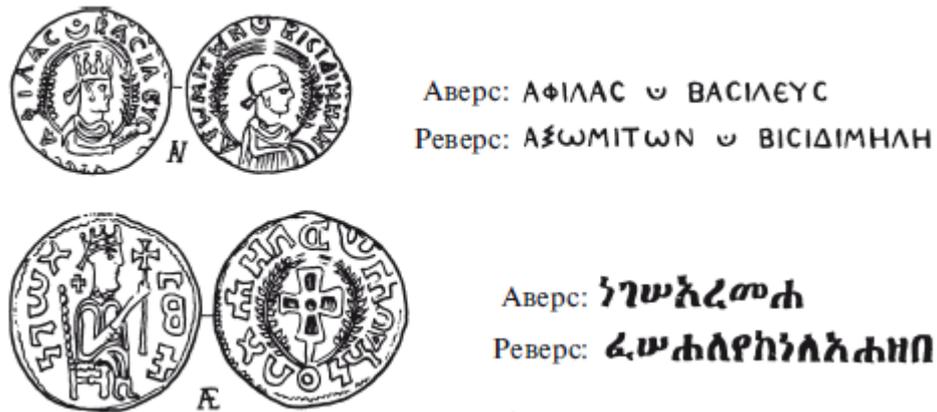

Рис. 4. Две аксумские монеты, немного увеличенные (из Литтманна). Вверху золотая монета Афиласа (III столетие) с языческим символом диска и полумесяца и греческой надписью; внизу бронзовая монета Армаха (VII столетие) с крестом и надписью на геэзе. Надпись на реверсе: «Да будет радость народам»

Та же самая надпись представляет исключительный интерес, так как Эзана приписывает свой успех в битве не местному божеству «непобедимой Махрем», как было прежде, а «Небесному владыке» и «Владыке земному». Это важное изменение в содержании царской надписи указывает, хотя и с некоторой долей сомнения, на обращение царя в христианскую веру. Быть может, Эзана предусмотрительно полагал, что время для публичного оглашения по всему царству своего перехода в новую веру еще не настало – старые божества все еще сохраняли свой авторитет. Но обращение царя засвидетельствовано монетами, отчеканенными во время его правления: на ранних изображены полумесяц и диск, а на более поздних – уже крест; эти монеты на самом деле были одними из самых ранних во всем мире, несущими на себе этот христианский символ.

Сам процесс обращения описал Руфин, почти современный тому периоду римский историк. И есть все основания полагать, что его рассказ правдив по своей сути. Меропий, христианский философ из Тире, отправился путешествовать в поисках мудрости, «имея вместе с собой двух маленьких мальчиков, его родственников, которых он обучал гуманитарным предметам». По возвращении из поездки при остановке корабля в одном из портов Красного моря Меропий и вся корабельная команда погибли от рук береговых племен. Далее текст гласит: мальчики были найдены под деревом, готовящими уроки к своим занятиям. Пощаженных милостью варваров, их отвели к царю. Одного из них, Эдезия, он сделал своим виночерпием. Другого, Фруменция, которого он считал мудрым и честным, назначил своим казначеем и секретарем. После этого они стали пользоваться большим почетом и любовью царя.

Фруменций постепенно достиг большого влияния, и, когда царь Элла-Амида безвременно скончался, оставив маленького сына (Эзана), его попросили принять на себя роль регента. В то же время он сделал все, что было в его силах, для распространения христианской религии, уже известной среди иностранных купцов, живущих в стране. Когда молодой Эзана достаточно повзрослел, для того чтобы взять в свои руки бразды правления, оба брата покинули царство; Эдезий возвратился домой в Сирию, где Руфин и услышал всю эту удивительную историю из его собственных уст. Фруменций тем временем отправился в Александрию, чтобы уведомить патриарха о том, что христианское стадо ожидает своего пастыря в далеком царстве Аксум. А Афанасий, позже избранный патриархом, и выбрал самого Фру-

менция – так как до этого он еще не был священником для возвращения в страну в качестве епископа. Там он и продолжил свою миссию, которая в конце концов была вознаграждена обращением самого царя. Сами абиссинцы называют своего посланника Абба-Салама (Отец мира). Имя их первого христианского правителя Эзаны позабылось в умах большинства, замещенное именами легендарных царей-близнецов Абреха и Ацбеха, но между историей и легендой нет серьезного противостояния.

Результатом рукоположения Фруменция патриархом Александрийским явилась, естественно, зависимость Эфиопской церкви от монофизитской церкви Египта – отношение, так до конца и не разорванное до 1958 года. Таким образом (теоретически) эфиопы приняли решение прежних Вселенских соборов в Никее, Константинополе и Эфесе, а также еретиков, Ария и Нестория, чьи правдоподобные изображения можно встретить в их церквях. Но вместе с армянами они отказались принять постановление собора в Халкидоне (451 г. н. э.), принятое и Западной и Восточной православными церквями.

Впечатляющие материальные достижения аксумитов, особенно в архитектуре, как и возведение монолитов (рис. 31–46), отражены в главе IV. III и IV столетия, по всей видимости, являлись для них эпохой наибольшего процветания и активности, особенно непосредственно перед обращением (340 г. н. э.). Скромное начало новой христианской архитектуры будет заметно лишь спустя два столетия. Вне всякого сомнения, наблюдалась литературная деятельность (хотя ничего от нее и не сохранилось, кроме каменных надписей), так, старая южноарабская письменность была реформирована и существенно улучшена в середине IV столетия, вероятно под руководством Эзаны. Необходимо сказать о введении системы вокализации, позволяющей таким образом модифицировать каждую основную букву шестью различными способами в соответствии с приложимым к ним гласным звуком (см. приложение 1). Это был наиболее важный шаг вперед, и измененный таким образом алфавит, выдержавший испытание временем, до сих пор используется с некоторыми изменениями.

Выдающимся событием в абиссинской христианской истории было прибытие, ближе к концу V столетия, «девяяти святых». Считается, что это ученые – сирийские монофизиты, изгнанные из своей родной земли после Собора в Халкедоне, ищущие убежища в стране, чья религиозная вера не противоречила бы их собственной. Именно они привнесли монастырский уклад (следуя правилам святого Пахомия) в Абиссинию. И именно они перевели Священное Писание с греческого на геэз. Они занимают существенное положение в местной агиографии, и некоторые их имена имеют отношение к известным монастырям. Так, например, Абуна За-Микаэль Арагани основал Дэбрэ-Дамо, где недоступная гора была, как говорят, впервые покорена им с помощью гигантской змеи.

Аксумиты были теперь настоящими христианами. Царь Калев, правивший в VI столетии, и его сын Габра-Маскал описаны в истории как величайшие поборники веры, и останки их предполагаемых могил-часовен можно увидеть на вершинах холмов вблизи Аксума. Арабские владения абиссинцев потерялись, а с ними их контроль над морем. Затем до двора дошли новости о том, что Дху-Навас, иудаизированный царь Гимайара, начал яростно преследовать христиан из Наджрана (сейчас это территория Саудовской Аравии). Растроганный страданиями своих братьев-христиан, чьи бедствия описаны в абиссинской поэзии более позднего века, Калев в 524 году н. э. предпринял поход, чтобы оказать им помощь, а переправить войска через Красное море ему помог греческий флот. Успешная кампания привела к временному восстановлению абиссинского правления в Йемене (где было построено несколько церквей) и даже к началу атаки с использованием слонов на Мекку, упоминавшейся в Коране. Однако после захвата персами Аравии, последовавшего практически одновременно с выступлением пророка Мухаммеда, аксумиты оставили все попытки восстановить там свое господство.

В начале VII века царь Аксума Армах (хорошо известный благодаря своим широко распространенным монетам) дал приют нескольким первым последователям Мухаммеда, вызволенным из Мекки, тогда еще прибежища язычников (рис. 4).

Такой акт терпимости и гостеприимства на время избавил Абиссинию от *джихада*, «священной войны», которая велась против всех, не признававших ислам. С другой стороны, арабы иногда подвергались набегам предположительно абиссинских пиратов в Красном море, грабивших даже Джидду. В конце концов приверженцы Мухаммеда, а особенно кочевники с прибрежных равнин африканской стороны, ранее других обращенные в эту веру, стали представлять постоянную угрозу абиссинскому христианскому царству. Ранние победы ислама стали началом процесса окружения; разрушение Аду-лиса должно было отделить Абиссинию от внешнего мира, как точно это выразил Гиббон: «...окруженные со всех сторон врагами своей религии, эфиопы находились в неведении 1000 лет, забыв о мире, который забыл о них».

Годы заката Аксумского царства напоминают отчасти смутное время в тогдашней Европе, когда империя Каролингов трещала по всем швам и король Альфред воевал с датчанами на юге Англии. Богатства царства разбазаривались. На какое-то время можно было восстановить власть на побережье Красного моря и даже распространить ее на острова Дахлак и отдаленный порт Зейлу в Аденском заливе. Но все это напоминало отблески догорающей свечи. Царство, лишенное в конце концов выхода к морю, приходило в упадок, страдала культура, страна постоянно ослаблялась с севера, подвергаясь набегам кочевников *бейя* (до сих пор живущих в Эритрее). И самое главное, что народ агау, исконно проживающий на западе и юге территории, восставал против аксумского владычества.

Правление Агау и выдолбленные в скалах церкви

В конце X столетия н. э. грозная правительница Агау по имени Гудит (или Юдифь) привела тысячелетнюю историю Аксумского царства к концу. Она свергла его последнего царя, убила царских наследников (заключенных в Дэбрэ-Дамо) и попыталась искоренить христианскую религию. В абиссинском фольклоре эта полулегендарная фигура запомнилась как величайшая разрушительница церквей, сравнимая только с Ахмадом Великим, жившим шестью столетиями позже.

Этот резкий разрыв с христианской традицией был лишь эпизодическим моментом. Более существенный вклад в историю Гудит внесла тем, что оставила Аксум и перенесла власть значительно южнее – в Агау. На далекую перспективу этот шаг мог казаться необходимым в процессе интеграции Абиссинии, так как местный народ Агау, до этого подчиненный семитской или семитизированной аристократии, теперь возвысился и различия в происхождении или классовой принадлежности между правителями и подчиненными начали исчезать.

Монархи Агау, последовавшие за Гудит, обосновали свои резиденции в Рохе, Ласте, позже названной Лалибэлой, в честь наиболее знаменитых царей этой династии. Там они правили около 300 лет. Их династия известна под именем Загве (хотя правильнее было бы ограничить применение этого имени к последним членам семьи после 1137 года). Они контролировали площадь более обширную, чем Аксумское царство, в основном испещренную горами и пересеченную лишь небольшим количеством труднопроходимых дорог. Она, по всей вероятности, охватывала нагорье современной Эритреи и земли Тыграй, расширившись в южном направлении до Ваага, Ласты и Дамот (провинция Валло), а также на запад до озера Тана (Бегхемдир).

Загве с усердием вновь обратились в христианскую религию и предприняли соответствующие попытки для поддержания необходимой связи с Александрийским патриархатом. Столь великими, однако, были трудности путешествия, как и со времен арабских завоеваний, что Абиссиния на продолжительный период времени лишилась Абуны. Более того, исламских правителей Египта необходимо было подкупить дорогими подарками для участия последних в переговорах о новой Абуне, так как последние с подозрением и завистью относились к связям патриарха с отдаленным христианским царством за пределами южных границ Египта. Однако вера египтян в то, что цари Абиссинии могут повернуть потоки Голубого Нила – жизненно важного для их собственной страны, – помогала позитивному развитию взаимоотношений. (Угрозы повернуть Нил были вновь использованы более поздними царями Абиссинии – факт известный итальянскому поэту Ариосто, который ссылается на него в 33-й песне *Неистового Роланда*.)

Связь с Египтом поддерживалась и иными способами: христиан-коптов, иногда подвергавшихся гонениям, вынуждали искать убежище в других странах. Во времена правления Аль-Хакима, до и после 1000 года, многие из них нашли приют в Абиссинии, и вполне вероятно, что связь абиссинского искусства с коптским искусством Египта (упомянутая в главах VI и VII) явилась результатом этого переселения. Длительная связь с Иерусалимом также берет начало со времен правления Загве – в 1189 году Саладин предоставил часовню Возведения на Крест храма Гроба Господня в распоряжение абиссинцев. Их паломничество в Иерусалим и монашеское поселение там (хотя и постепенно урезанное до крыши часовни) стало важным связующим звеном восточно-христианского мира, а также источником вдохновения в его искусстве.

Для этого удивительного периода абиссинской истории не имеется современных ему записей. Существующие царские списки и хроники были ретроспективно составлены два

или три столетия спустя: они полны противоречий и неточностей и в большей своей части легендарны. Один из этих царей запомнился своей беспримерной мудростью и праведностью, а также многими чудесами, случившимися в его жизни. Речь идет о царе Лалибэле (1150–1220), к имени которого данная хроника, а также и местная традиция относит знаменитые выдолбленные в камне церкви в городе, носящем его имя.

Высечение этих церквей, многочисленных как в Тыграй, так и в Ласте, является практически беспримерным событием в истории, показывающим, что Загве достигли того технического совершенства, которому мало что можно противопоставить в абиссинской истории; хотя и все непосредственные записи об этом эпохальном событии утеряны. Необходимо заметить также, что это, по сути, запечатленное на своей территории царство должно поддерживать, несмотря на все трудности, слабые связи с основным христианским миром и сохранять свою христианскую культуру нетронутой. Династия хорошо служила Абиссинии. Поколения потомков оценили это, так как вопреки тому, что Загве считались – из-за происхождения не от царя Соломона – незаконной династией, Лалибэла всегда почитаем как один из величайших святых в государстве.

Восстановленная династия Соломона в противостоянии с набирающим силу исламом

В хрониках сообщается, что единственный аксумский принц Дилна'ад, не убитый Гудит, скрылся в Шоа, на далеком юге. Около 1268 года Йикуно Амлак, правитель области Десси в Валло, стал царем, придя к власти после Некуэто Ла'аба, последнего из династии Загве. Он догадался провозгласить себя потомком Дилна'ада, получив тем самым поддержку населения, что, в свою очередь, позволило ему одержать победу в сражении с царем Загве. Однако, согласно значительно более поздней версии этой истории, приход Амлака к власти произошел благодаря дипломатическим талантам знаменитого святого и политика Текле-Хайманота, который уговорил Некуэто Ла'аба добровольно отречься от престола ради восстановления древней династии Соломона. В знак благодарности за эту услугу Текле-Хайманота царь согласился (как гласит летопись) передать одну треть всех земель царства в поддержку церкви.

Восстановленная династия продолжала поддерживать связь с Шоа, политическим центром царства – теперь, по существу, амхарского, – вновь сместившимся в южном направлении. Цари XIV и XV столетий Дэбрэ-Берхан выбирали и другие места в этом регионе в качестве своих резиденций – в первый, но ни в коем случае не в последний раз в эфиопской истории. Тем не менее времена были очень беспокойные, и каждый царь не переставал постоянно перемещаться из одной резиденции в другую, скитаясь по стране, дабы восстановить контроль над восставшими провинциями либо же отражать атаки извне. Островками относительной стабильности оставались только большие монастырские центры, так же как и в средневековой Европе служившие постоянной защитой культурного наследия государства.

Во время этих двух столетий выдалбливание скальных церквей продолжалось, хотя основной импульс этого предприятия угас вместе с уходом династии Загве. Вероятно, этому способствовал расцвет настенной живописи, но небольшое количество того, что от нее осталось, не позволяет реально по достоинству оценить ее качество. С другой стороны, это был период великого литературного возрождения: появилось несколько работ как прозаических, так и поэтических. Книги Священного Писания, включая и Евангелия, копировались в больших количествах, и искусство каллиграфии, а также декорирования культивировалось весьма активно (см. главы V и VI).

Амдэ-Цыйон I – основная фигура первой половины XIV столетия. Его аморальное поведение в юные годы заслужило публичное порицание монахов Дэбрэ-Либанос, но тем не менее он стал сильным и ответственным властителем. Его правление запомнилось в основном самыми ранними серьезными конфликтами с постепенно вторгающимися за свои пределы мусульманскими государствами, особенно с Ифатом, чья территория включала в себя весь Восточный Шоа и простиралась до берега Красного моря. Окончательная победа этих военных кампаний во многом определилась личной отвагой царя, восславленной в некоторых сохранившихся боевых песнях. В итоге угроза Эфиопии со стороны исламского мира, была на время предотвращена. За счет мусульман территории несколько расширились, но Харар так и остался великим бастионом их могущества.

В середине XV столетия Зара-Якоб, самозванный Константин Абиссинии, подчинил страну своему контролю. С простодушной жестокостью он преследовал всех язычников и всех христиан, находившихся под влиянием их веры или ритуала. Никогда не стесняясь вмешиваться в церковные дела, он ввел много новых годовичных и месячных праздников, возродил соблюдение субботы как второго «шаббата», повелел своим христианским подданным носить кресты и перевел новые церковные книги на геэз. Он и сам являлся автором нескольких книг, расширяющих его предельно суровое понимание христианского порядка. В соот-

ветствии с его политикой усиления юга против исторического севера он передал резиденцию и сан *этчегхе* (главы монастырей) от Святого Стефана на берегу озера Хайк настоятелю монастыря Дэбрэ-Либанос в Шоа. (По-видимому, царь не был напрямую связан с эфиопской делегацией на Ферраро-Флорентийском соборе в 1440–1441 годах: ее уполномочил настоятель абиссинского монастыря в Иерусалиме.)

Как и все цари этого периода, Зара-Якоб был вынужден противостоять набегам различных мусульманских государств на востоке и юге. На протяжении многих веков они населяли негостеприимные равнины, лежащие между нагорьями и побережьем, теперь же они охватили еще и большую часть Южного Шоа и соседние районы на средних высотах – Арусси и Бале. Эти государства представляли постоянную угрозу, у них вошло в привычку приурочивать свои набеги к долгим месяцам Великого поста, когда христиане были ослаблены продолжительным воздержанием. Тем не менее во время правления этого царя территория государства постоянно увеличивалась как за счет мусульманских, так и за счет языческих районов на юге и юго-западе.

Правление Зара-Якоба иллюстрирует все те экстраординарные сложности, бывшие уделом многих абиссинских царей, а также хронические проблемы с престолонаследием. В традициях того времени было держать всех царских принцев, претендующих на трон, в насильственном заключении на одной из хорошо охраняемых *амба*, или горных седел, с которых новый правитель и доставлялся в случае необходимости. Зара-Якоб – один из тех, кто вырос в подобной царской тюрьме, лишенный всех возможных контактов с простыми людьми и обычной жизнью. Взойдя на престол в 1434 году, не имея никакого опыта в государственных делах, он увидел царство, охваченное заговорами и восстаниями; церковь, расколотившуюся ересями; иностранных врагов, постоянно угрожающих вторжением. В этих обстоятельствах было вряд ли возможным для нового царя показать гибкость, или толерантность, или дипломатический талант, которые являются плодом долгого опыта человеческих взаимоотношений. Столкнувшись лицом к лицу с отчаянной и хаотической ситуацией, он встретил ее с противоречивыми чувствами – суровой определенностью и неумолимой яростью. Под конец жизни, отказываясь от приязни и верности даже своих придворных и семьи, он стал одинокой фигурой, изолированной ото всех подозрением и недоверием. Но, несмотря на все это, имя великого защитника веры – одно из самых памятных в эфиопской истории.

Исламские государства, особенно Адал, который к этому времени поглотил Ифат, в XV столетии стали представлять еще большую угрозу. Иногда они глубоко вторгались в плодородные нагорья, почти полностью находившиеся в руках христиан, и не было ничего удивительного в том, что жители равнин так жаждали их заполучить. Каждый император держал их под постоянным контролем, хотя и были попытки к концу столетия достигнуть соглашения путем переговоров. Подобные мирные инициативы впервые предприняла императрица Елена – дочь приграничного мусульманского вождя в Южном Шоа. Она была одной из жен царя Байеды-Марьяма (1467–1478), пережила мужа и, постепенно набирая влияние, продержалась в течение двух последующих царствований.

В начале XVI столетия все та же самая, правда постаревшая императрица Елена, теперь уже в качестве регента при малолетнем царе Лебна-Денгхели, в конце концов оставила все попытки поддерживать мирные отношения с мусульманами. Она попросила помощи у португальцев, чтобы справиться с ними. В то время португальцы – единственные европейцы на берегах Красного моря – постоянно вели жаркие споры с турками по поводу мусульман. К тому времени португальцы уже заинтересовались и Абиссинией. Уже с XIV века они отождествляли легендарного пресвитера Иоанна с абиссинским императором и считали его потенциальным христианским союзником на востоке: теперь наконец представилась возможность вступить с ним в переговоры. После долгого откладывания, продолжавшегося годами, посольство было отправлено из Гоа и оставалось в стране до 1526 года.

Первая встреча с пресвитером Иоанном спустила их с мифических высот на землю, но тем не менее впечатления и приключения миссии, записанные ее капелланом Франсиско Альваресом, представляют собой занимательнейшее чтение.

В 1528 году великий шторм, собиравшийся в тучи в течение столетий, обрушился на Абиссинию. Имам Ахмад ибн Ибрагим аль-Гази, запомнившийся в Абиссинии под прозвищем Левша, вторгся из района Харара и практически полностью уничтожил Абиссинию как христианское государство. Одаренный фанатик сплотил племена кочевников, особенно сомали восточных равнин, в ужасающую военную мощь, зажженную духом джихада. Они оставили за собой следы резни и мародерства, пройдя по всей длине и ширине христианских нагорий. Царь превратился в беженца, жертву, отступающую с горы на гору, и в конце концов безвременно скончался. Разрушительная ярость Грана и его сподвижников, направленная в особенности против церквей и всех объектов, связанных с христианством, стала поистине легендарной. Но все это также являлось и историческим фактом, и именно ему мы обязаны сегодняшней скудостью ранних картин и манускриптов и даже самих церквей – только те, что были выдолблены из скального камня, либо же глубоко спрятанные в пещерах имели некоторый шанс на выживание. Большинство населения для спасения своих жизней приняло ислам, хотя нашлись и многие желающие принять на себя роль мучеников.

Захватчики испытывали мощную поддержку со стороны оттоманских турок, заинтересованных в распространении своего влияния на Аравию и берега Красного моря. Абиссинцы же, со своей стороны, получали моральную и материальную поддержку от маленького, но героического португальского военного корпуса под руководством Кристофера да Гамы, который высадился в 1541 году. И турки и португальцы имели огнестрельное оружие – нечто новое для абиссинцев. Многие месяцы наблюдалось равновесие сил, но абиссинцы наконец взяли верх; Гран был сражен и убит близ озера Тана в 1542 году. Вторжение португальцев нарушило существовавшее равновесие, в хрониках Галавдевоса должным образом оценены подвиги этих «сильных и доблестных воинов, жаждущих войны подобно волкам и сражавшимся за добычу как львы».

Почти никому из них не довелось вернуться на родину. Они пользовались большим почетом, женились на дочерях местной знати и постепенно смешались с местным населением.

Самый страшный кризис в истории Абиссинии миновал, но страна оставалась разграбленной и обессиленной. В точности то же самое можно было сказать и о мусульманских государствах (рис. 5). Ни одна из сторон не могла оказывать сопротивления вторжениям кочевников галла, которые в то время устремились и утвердили себя – и, как оказалось, надолго – на огромных территориях эфиопского плато. Таким образом, после войны с мусульманами последовали войны с галла – изматывающие, бессмысленные и разрушительные для жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.